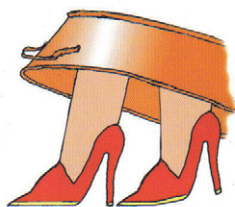

ВТОРАЯ СЕРИЯ ЗАПИСОК

Ирина Бондаренко

**С МЕДНЫМ
ТАЗОМ ПО ЖИЗНИ**
ЗАПИСКИ СЛОЖНОЙ БЛОНДИНКИ

От редакции: «АРДИС» — издание, весьма избирательное по отношению к авторам и темам публикаций. Всему прочему мы предпочитаем архитектурные обзоры и критику, а еще — материалы научных исследований и статьи о работах в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия. В привязке к этому обычно идут инвестиции, инновации, технологии и многое остальное, без чего ни проектирование, ни строительство, ни современная реставрация не могут существовать. Если и появляются на страницах журнала чьи-то отвлеченные стихи или проза, то изредка и лишь по особому случаю.

Один из таких поводов образовался 25 января. В Книжной лавке писателей на Невском проходила авторская презентация сборника рассказов «С медным тазом по жизни», уже второго в творчестве Ирины Бондаренко, которая «в миру» является руководителем пресс-службы особо уважаемого нами комитета — КГА. Первый — «Я люблю сливочное масло» — вышел в свет чуть раньше и тоже был написан в жанре коротких наблюдений, которые весьма тонко балансируют на грани приличного анекдота и зрелой житейской философии. Обе книжки иллюстрировал Виктор Богорад, знатный питерский карикатурист и по совместительству хороший знакомый Ирины. Его картинки как нельзя лучше подошли к запискам, каждая строка которых преисполнена отменным чувством юмора. Кто еще не читал — настоятельно советуем.

Слушать Ирины рассказы тоже приятно. Кстати, озвучивали их по очереди сразу трое: заслуженный артист Леонид Михайловский, а также молодые служители Мельпомены Лиза Бондарь и Арсений Макот. Между прочим, громче всего публика аплодировала актрисе, которой все же поорганичнее, нежели мужчинам, удалось передать авторские интонации. Наверное, так случилось не только потому, что Лиза тоже предстательница слабого пола — она еще и дочь писательницы... Вот так-то! В довершение всего почитайте пару рассказов, выбранных из нового сборника почти «навскидку».

СОВЕСТЬ МОРЯКА

Один мой знакомый архитектор Дима раньше вообще не был архитектором. Он был моряком дальнего плавания. Даже круче — он был командиром моряков дальнего плавания и ходил на прекрасных белых кораблях в заграничье.

А в заграничье советский человек берет с собой известно что — контрабанду. Банку икры и бутылку водки — чтобы в случае необходимости укрепить свой пошатнувшийся валютный статус. Не подвести ненароком страну пустым карманом. Да просто поддержать штаны, наконец.

Дима, как и все, тоже сначала брал икру и водку. Но брал он их недолго. Вскоре у него обнаружился эксклюзивный вид морской болезни — как только на борту появлялся иностранный таможенник, Дима начинал учащенно моргать. Это загадочное явление истолковывалось таможенниками двояко — они подозревали, что командир то ли молчаливо намекает им на крупную партию контрабандного товара, плывущего на корабле, то ли, напротив, неумело пытается скрыть факт провоза этой же самой партии. По-любому выходило скверно — под Димино моргание профессионалы сыска переворачивали весь корабль вверх дном, в легкую находили что положено, накладывали штраф и важно покидали корабль. Когда их катера отплывали на безопасное расстояние, Дима переставал моргать.

И однажды Дима решил начать борьбу с редкой болезнью. «Начни с себя», — подумал он, и перестал брать в поездки икру, а вскоре отказался и от вывоза водки. Но недуг не отступал — по-прежнему при виде таможенников любой страны начиналось нерегулируемое подмигивание. И чем больше Дима его стеснялся, тем интенсивнее мигал. Корабль опять переворачивали вверх дном, и хоть у какого-нибудь машиниста да находили — ну пусть не водку, так хоть икру. Но в целом провоз контрабанды на Димином корабле перестал носить массовый характер. К ужасу команды.

Обветренные и просоленные морские волки после отплытия таможенников долго-долго смотрели на линию горизонта, и скупая мужская слеза смешивалась

О тех...

в их мужественных морщинах с солеными брызгами...

Увидев однажды эту жуткую картину, Дима понял — с морем нужно расставаться.

Он списался на берег и выучился на архитектора. К слову сказать, в архитектурном вузе сильно удивились приходу красивого капитана. Ведь стать капитаном дальнего плавания и ходить в заграничье — это ж вековая мечта всех советских и постсоветских людей, включая даже членов приемной комиссии!

Дима стал успешным архитектором и вообще никому не подмигивает. Но зато уже несколько лет кормит в петербургском зоопарке льва, ежемесячно перечисляя на его счет солидную сумму.

Мы со львом думаем — хорошо, что Дима оставил море. Хотя таможенники и кашалоты, возможно, другого мнения.

МОЙ ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Когда я окончила институт, у меня была крутая зарплата — 115 рублей. Зато в спортзале стоял огромный олимпийский батут, на котором я часами прыгала с остекленевшим взглядом. Такой взгляд бывает у людей, когда они едят семечки. Остальное время резалась в настольный теннис, на работу оставалось совсем немного. Мой начальник — поэт и лучший в мире чертитель продольных профилей автомобильных дорог, с грустью говорил: «Деточка, ты работаешь чисто механически...»

В ящике рабочего стола у него жила лысая ворона, которую он подобрал на улице. Борис Александрович регулярно смазывал ей черепок каким-то маслом, и очень ликовал, когда у нее попер подшерсток. К столу он прикрутил небольшую садовую калитку из штакетника. Подходя к рабочему месту, он ее аккуратно открывал и закрывался на крючок — наверное, ему хотелось жить на природе, а не в купчинской многоэтажке... В общественный холодильник он подкладывал спичечные коробки с живыми червячками, которых откапывал во время обеда на ближайшем газоне для кормежки своей домашней жабы. Тетки его

ловили и устраивали чудовищные скандалы — потому что они хранили в холодильнике самое святое — добытые с боем продуктовые наборы. А он писал стихи:

«Поэт Нечаев.

Весь в себе.

Его душа покоя просит.

К капризно вздернутой губе

Навек прилипла папироса» — автопортрет.

Его жена была секретарем парторганизации какого-то крупного завода, так что дома ему тоже не удавалось сильно разгуляться. Он просто тоннами стаскивал старинную брусчатку с Дворцовой — ее тогда первый раз по-крупному перебрусчевывали, и кирпичи с клеймами из домов на капремонте. По вечерам шелестел своей добычей. А на балконе шелестела выращенная им береза в два обхвата, постоянно

сигнализируя домоуправу, что балкон, видимо, скоро отвалится.

Борис Александрович ходил гулять с черепахой на поводке, потому что был очень рассеянным. Дома ласково смахивал с непокорной челки разных вылеченных птиц, которые летали по квартире и какали всем на голову, а по весне сообща вили гнезда на березе. Собранные в лесу грибы складывал в банку, засыпал солью и отвозил обратно в лес, под елку — текущие с елки осенние дожди постепенно делались грибным рассолом, а еловые иголки — укропозамениателем.

Когда я запарывала очередной чертеж своим скудоумием, утром перед работой всегда находила в почтовом стихике плитку шоколада «Дорожный» в зеленой обертке и смешное стихотворение под девизом «Жизнь не всегда один сплошной эклер!»

Жалко, конечно, что я так и не стала гениальным проектировщиком дорог. Зато написала про самого лучшего из них.

Мария Троицкая

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

С 27 января по 20 февраля в Санкт-Петербургском Доме Архитектора работала выставка графики и акварели В. Г. Танкаяна, приуроченная к его 80-летию. Петербургские коллеги превосходно знакомы с проектами, постройками и с многочисленными хобби этого удивительного человека. Автор целого ряда интересных решений, в том числе для районов Крайнего Севера, разработанных и воплощенных за четыре десятилетия профессиональной карьеры, нескольких монографий по архитектуре, а, кроме того, большой поэт и непревзойденный шаржист... Он словно бы олицетворяет собой справедливость утверждения о талантливых людях, которые обычно «талантливы во всем».

Некоторые из стихов Валентина Гавриловича мы сегодня публикуем. Это обязательные штрихи к его портрету, который не получится полным и без упоминания о педагогических

дарованиях, с успехом реализованных Танкаяном за более чем четверть века работы доцентом кафедры архитектурного проектирования СПб ГАСУ (тогда ЛИСИ). Недаром, многие из авторов, которые сегодня активно проектируют в Санкт-Петербурге, с благодарностью называют его своим учителем, вспоминая как вдумчивого исследователя, внимательного педагога, серьезного теоретика и талантливого практика.

Невзирая на почтенный возраст, архитектор Танкаян поражает всех своей едва ли не юношеской и исключительно позитивной энергетикой. Она проявляется и в характерной для мастера манере общаться, и в афористичных поэтических строках, и в его на редкость точных художественных репликах на происходящее вокруг. Редакция «АРДИС» поздравляет юбиляра, желая здоровья, новых поисков и открытий во всех подчинившихся ему искусствах.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА ГОРОДА

Смыкается улица в перспективе, стираются времени обозначения, носившие в прошлом иные названия, иные имевшие смыслы в активе.

Здесь храмов разверзшийся звездопад: за православным стоит лютеранский, а там католический, дальше армянский, а прочие — как бы уже невпопад.

Вот храм театральный возносит колонны, вот за колоннами храм живописный, где сквер обратился уже в желтолистый, и мост мягко выгнулся многоконный.

Как странно, каналов все то же теченье, приткнувшейся башни нежданная масть, в скульптуре поэта убитого страсть — неповторимое жизни прочтенье.

И бутафорские черные идолы приникли безвольно к властительной страсти, что, правда, признаем, только отчасти потомкам история меру их выдала.

Триста промчалось запутанных лет, проткнутых шпилем позолоченным, лет восхитительных и огорченных, неповторимый оставивших след.

МОЙ ГОРОД

Адмиралтейства дерзкий луч на две разрезал половины кипящее смятенье туч над городской сердцевиной, и золочено иглою магнитом втягивал проспекты, и вдохновляемый рекою прекрасные рождат проекты клубящихся колонн Растрелли, безумства вздыбленных квадриг, по берегам реки расстелен прекрасного застывший миг;

неповторим, неоднозначен, как некий зодчества мираж, его невиданной удачи и красоты невольный страж.

СФИНКСЫ СКОРБИ

Вдоль парапета не течет вода привычно, грязный лед, сковавший в омертвевший саван поток нетерпеливый самый, соединил в одну немилость двух берегов неповторимость.

Один — тюрьмой краснокирпичен и внешне как бы обезличен, напротив обезличен тоже жилищем ни на что похожим, где обесславил все стандарт — вот здесь и разместился Ад.

Соединят два сфинкса смерти в прибрежной снежной круговерти истории смертельный шаг — страну, вогнавшую в ГУЛАГ, и не отмищенную страну, не осужденную Вину.

Злой памяти суровый лик жестокостью своей велик, через прицел тюрьмы окна — вся не отмщенная страна, репрессий неизбывна тень, где жил тогда народ-мишень.

